

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ И. КАНТА В БЕЛАРУСИ

Проблема рецепции идей И. Канта в Беларуси изучена еще далеко недостаточно, хотя во всех отношениях представляет собой интересное и оригинальное явление в духовной жизни белорусского общества, особенно это касается XIX и начала XX в. Многие периодические издания, выходившие в то время в Беларуси, сохранились в небольшом количестве экземпляров (некоторые в единичных экземплярах) и относятся к числу исключительно редких и малодоступных изданий. С такого рода публикацией мы и хотим познакомить исследователей рецепции идей Канта.

Известно, что со второй половины XIX века в западноевропейскую философию вновь начинают проникать идеи Канта, но выраженные в специфической форме, соответствующие духу данного времени, которое получило название «неокантианство». Так, тезис Отто Либмана «Назад к Канту!» послужил отправной точкой для публикации ряда статей европейских последователей Канта. Не оставило без внимания данную проблему и интеллектуальное пространство Беларуси. Появились отдельные публикации. Так, в газете «Северо-Западный край» от 12 февраля 1904 г., выходящей в Минске, появилась статья под названием «Учение Канта (К столетию со дня его кончины)». Это переводная статья с немецкого издания на русский язык Зимнева: *Der kritische Gedanke (zur Erinnerung an die 100-e wiederkehr von Kants Todestag. Von prof. Kurd Lasswitz, Gotha, 1904)*.

Данная публикация отражает общий дух того времени, определенно-го рода пиетизм к философскому наследию Канта на территории Беларуси. Подобного рода чествование юбилея И. Канта на страницах белорусской периодики начала XX в. является библиографической редкостью. Приводим здесь полный текст публикации.

«На совершенно безоблачном небе, как редко это бывает, вошло ясное солнце в воскресенье 12 февраля 1804 года над Кенигсбергом. И тут распространилось по городу известие о кончине Канта: это передавали

друг другу, останавливаясь на улицах, прохожие. Потом, между прочим, нередко вспоминали про какого-то солдата, который, указывая рукою на внезапно появившееся на голубом небе одинокое белое облачко, крикнул окружающим: «Вот душа Канта летит к престолу господню!».

Но подобное простые люди, конечно, не сумели бы доказать, что у них в городе, за час-другой перед тем, расстался с бранным земным существованием величайший мыслитель всех времен. Таким образом, однако, наивно выражалось известное народное настроение, связанное с именем Канта, — непосредственное чувство народной души: по ее представлению, такой безупречно совершенный дух должен был прямо унести в чистые пределы бесконечности! Это ощущали уже современники, передавшие и нам свое отношение к прославленному философу.

И тогда влияние Канта на культурный мир было самым могущественным, какое вообще способен оказать на свете, укрепленное вдобавок незапятнанным обаянием исключительно посвященного завоеванию истины жизненного труда, сделавшего из его нравственной личности, если можно так выразиться, совесть человечества! С тех пор бессмертный гений продолжает неукоснительно влиять и на многих, которые этого не осознают, и даже на самих противников кантовских идей.

Немыслимо окинуть взглядом, насколько активным преобразователем оказался самый способ его мышления во всех отдельных областях науки, искусства и реальной жизни.

Учение Канта всегда являлось и доньше остается предметом постоянных исследований для философов. Здесь работа распадается и, по обыкновению, один не всегда склонен признать критический анализ другого равноценным своему, причем в виду имеется не творчество, а метод и намерения. И тем не менее все эти работы нужны: лишь своим соединенным влиянием они способны снова возродить во всей его силе — созданное плодотворной жизнедеятельностью Канта. То, чему учил незабвенный наставник, что он писал и оставил после себя, должно быть определено и приведено в известность с добросовестнейшей точностью от слова до слова! Из подлинного текста надо извлечь внутреннюю правду, подлинную сущность мысли, совершенно объективно и независимо от того, что именно привело самого Канта к данному миропониманию, подобно тому, как мы признаем за истину пифагорову теорему, хотя нам не известны пути, открывшие ее Пифагору, если только вообще она была найдена им! Далее, также вполне целесообразная задача — выяснить, как и под влиянием чего возникли и развивались идеи Канта.

Разрешение ее немало помогло бы уразуметь великого мыслителя, — только этим отнюдь еще не была бы доказана правда, лежащая в основе его учения. Позволительно ценить исторический смысл подобных подтверждений, но их не следует смешивать с систематическим содержа-

нием критической философии. Наконец, надо иметь в виду и вот что: математическая теорема или решение задачи прошлых времен остается правильным, если теперь даже добьемся доказательств или ответа иными способами, нежели у Архимеда и Евклида. Также остается верной основная критическая мысль; но мы прекрасно можем добиваться и получить производные результаты открытых Кантом истин или передачу заключающихся в его учении идей и другим путем, чем он впервые достиг всего этого — сам! Культурная работа целого столетия да еще оплодотворенного кантовским духом века, в течение которого естествознание и техника одновременно нашли новые отвлеченные практические ценности, в биологии теория развития выяснила и неподозреваемое ранее взаимоотношение, химия приобрела математическую основу, преобразовались социальные и народнохозяйственные условия, — эта культурная работа имеет иные потребности и располагает новыми средствами излагать и воспроизводить, — только самый принцип критического метода мышления должен быть обеспечен!

Будет именно в духе Канта рассмотреть и распределить содержание нашего времени, придерживаясь его принципов, согласно этому основному указанию. Реформатором он стал, открывший неведомые до тех пор способы мысли — называемый критическим, в противоположность старому — догматическому.

Он не имел намерения дать систему теорем, а просто хотел научить, как человек может сам философствовать! Ведь наука никогда не бывает законченной и совершенной: она обязана доказывать дальше, и не иссякающее накопление фактов и опыта в добросовестном, чуждом всяких побочных соображений исследований образует живое содержание постоянно стремящегося вперед человеческого духа. Кант обращался с тремя следующими требованиями к сословию мыслителей: во-первых, “думай самостоятельно!” Во-вторых, “при общении с людьми думай, ставь себя на их место!” и, в-третьих, “думай всегда, согласно с самим собой!”

Подобная стройность мышления была бы неосуществима, если поддаваться влиянию чувств и желаний или руководствоваться традициями и авторитетом, которыми постоянно обладает какое-либо провозглашенное непогрешимым учение, так как когда выводы ума наперед предписанные в известном смысле, деятельность его, значит, несвободна и догматична, оставаясь чуждой критике. При этом совершенно безразлично, исходит ли это давление от внешнего авторитета (хотя бы напр., от римского папы или представителя светской власти) или косвенно порождено предрассудком толпы, субъективным стремлением, вроде жажды господства и погони за популярностью, или же, наконец, является результатом попыток только посредством чувства, фантазии и произвольной причуды создавать теоремы и жизненные правила. Пред-

полагая определенный конечный результат как раз соответствующим нашему индивидуальному желанию, мы этим ограничиваем нашу свободу мышления в противокритическом духе. Уже поэтому было бы совершенно неправильно считать критический метод субъективным приемом от того, что он сводится как к сущности человеческого мышления: таким образом целому миру предписывались бы законы, по которым функционирует наша душа. Нет, как мировые явления, так и субъективный ход представлений следует признать взаимно обусловленным, на основании общих законов.

То, что Кант называет мышлением — вовсе не психологический процесс в отдельном человеке, а общая обязательная логическая работа мысли, на неопровержимости которой зиждется возможность уразумения вообще. Поэтому критически мыслить — значит вносить в сознание общеобязательные логически формы из совокупности доставляемого опытом материала, чтобы этим способом регулировать содержание мира и решить вопрос: имеем ли мы дело с явлениями во времени и пространстве, или с волевыми порывами, или же с чувствами? За всю историю философии можно отметить еще одно деяние, заслуживающее сравнение с переворотом, который произвел Кант, а именно — открытие понятия «закон» Платоном или, вернее, Сократом. Это удалось также благодаря критическому самоанализу относительно сущности человеческого мышления и над этим открытием господствовал взгляд, что познание мыслимо исключительно на почве общеобязательных условий, которые мы называем законами, законами для того, что есть, вроде логических и математических, и для того, что должно быть, как — эстетические и нравственные. Двадцать два столетия до Канта принесли в философском смысле только переработку да расширение и отчасти упадок старого мирозерцания, подготавливая в то же время — новое. Но два великих исторических фактора заставили наново обосновать философию, придя, как казалось, к неразрешимому взаимному противоречию. Одним из них было достигнуто на западе всюду католичеством и лютеранством закрепление религиозного самосознания, другим — зарождение математического естествоведения. Оно впервые неоспоримо указало область, где имел значение только закон математической необходимости, и эта область охватывала собою мир более, менее, как все мироздание. Какая же возможность оставалась, раз движение мирового механизма точно в часах высчитывалось наперед, связать с этим моральную свободу и религиозную веру? Все многочисленные попытки объяснить это противоречие были напрасны, пока в самую глубь источника познания не проник новый Сократ. Понятие закона, открытое греками, имелось налицо; но между логическими и математическими законами, с одной стороны, а эстетическими и нравственными — с другой,

чуждыми до тех пор взаимных противоречий, проскользнул новый естественный закон и над всеми ими требовала власти еще одна форма закона — культ (и католический, и протестантский в равной мере). Между законами возник спор, пришлось подвергнуть не состав их, но самое право на существование и пределы принадлежащие каждому из них области радикальному пересмотру. Речь шла вовсе не о том, чему учит естествознание, а чему культ? Все сводилось к вопросам: а чем зиждется право науки? Что мы можем знать? Какого рода суждения теоретического познания? И, с другой стороны: на чем основано право веры? На что мы можем надеяться? Какого рода религиозные суждения? Этого не могут решить ни естественные науки, ни религия, и тут потребовалась новая форма исследования — критика познания, которую создал Кант. В этой критике рассматриваются условия, на которых основана возможность существования таких областей истины, как мы их узнаем, в качестве закономерной природной или религиозной веры. Их контраст коротко выражается двумя словами: необходимость и свобода. Но этим одновременно расширяется вопрос в таком направлении: на чем зиждется возможность морального требования, а на чем — возможность эстетического вкуса? Для самого Канта главный интерес представляло определить разницу между безусловным значением нравственного закона и своеобразием научного опыта. Религию он преимущественно рассматривает также с моральной стороны.

Если противоречие, приведшее к критическому вопросу, истолковывалось здесь выше разногласиями между познанием и верой, это сделано было потому, что данная антиномия являлась преобладающей двигательницей в сознании людей, и она привлекала к себе глубочайший всеобщий интерес. Но разрешается она только тогда, когда помимо условий теоретического познания установлены также в своей независимости условия морали и искусства. Поэтому теперь придется теперь, стремясь вперед по намеченным Кантом путям, несколько самостоятельнее формулировать право религии и по отношению к нравственности.

Попытка изложить в беглой газетной статье результаты анализа всеобщего сознания, который был мощно произведен Кантом, и с достаточной полнотой проследить гигантский умственный труд его жизни, делающийся безусловно понятным лишь после долголетнего обстоятельного изучения подробностей, была бы просто дерзостью! Но все-таки, желательно представить читателям, по крайней мере, в идее сжатой формулы, принципиальные выводы критической философии. К сожалению, это невысказано без известной доли односторонности: нужно выбрать настолько отдаленную точку зрения, откуда удалось бы окинуть взглядом кантовскую деятельность хоть в ее главнейших очертаниях, пожертвовавша деталями.

Как в день кончины Канта неведомому солдату, на Кенигсбергском кузнечном мосту, далекое белое облачко казалось отлетающей в вечность душой мыслителя, — и мы можем через сто лет из нашей нынешней дали, созерцать душу всей критической философии так, чтобы ее элементы, подобно туманным частицам тучки, округлялись в замкнутые формы.

Кант разграничил области познания, хотения и чувствования и строго определил значение каждой из них. Критически мыслить еще вовсе не значит воспринимать результаты готовыми, а порождать их наново в себе самом и самому перерабатывать содержание мысли, следовательно, перечисленные области людского опыта, природы, нравственности и искусства — нечто данное само-по-себе и готовое, а мы с ними знакомимся лишь смотря по тому, как мы их вырабатываем для всего человечества в пытливой мысли, нравственной воле и эстетическом чувстве. Мы сами создаем эти области, внося в свое сознание их основные законы. Эти основные определения, на которых зиждется возможность опыта, прочно установлены, так как они независимы от времени и пространства, а равно — от восприимчивости наших чувств, именно потому, что последние и являются условиями, создающими возможность — наделенного содержанием мира и нас самих, в качестве отдельных существ с воображением. Реализуются же данные определения только по мере развития культуры. Их полная независимость и устойчивая собственная цельность получилась оттого, что они своими основными законами обуславливают различные переживаемые нами процессы действительности. В этом именно заключается неперемное условие теоретического познания. Все, что мы познаем, должно быть определено в пространстве и времени как закономерная необходимость. Область, ограниченную таким образом, мы называем природой, поскольку она собою представляет объект научного познания. Далее следует коренной принцип нравственных суждений: “Должно быть!”. Возможность этой формы требования соответствует свободе, самоопределению одаренных воле существ — “я хочу быть!”. Отсюда вытекает моральным законом принцип: “Чти каждое я как свое сочувственное и как представителя всего человечества, поступай так, чтобы постоянно мог желать превращения в общий закон основы твоего образа действий!”. И вот эти два совершенно независимые законодательства — необходимости и свободы — должна слить воедино жизнь человечества. Они фактически уже объединены в сознании у каждого из нас отдельно, так как мы — существа, обладающие и мышлением, и волей. Укорененность в этом опирается на элемент, называемый чувством, которое и убеждает человека в его собственном существовании, но в существовании каждого из нас, как отдельного индивидуума, живущего только в качестве самого себя. Впрочем, имеется также область, где чувство приобретает общее значение, а именно — эстетика. Когда

наши чувства не относятся к существованию вещей или к реализации предъявляемых моралью требований, сводясь лишь к представлениям об истине и благе, которые с помощью воображения грезятся нам объединенными, возникает категория чувств, господствующих над нами в мире искусства. Общее удовольствие, замечаемое в эстетических ощущениях, доказывает, что в чувстве заключена комбинация необходимости и свободы не только для отдельной личности, но и для всего человечества. Но эти чувства связаны только с представлением; они порождают одну приятную видимость. А людской род жаждет большего. Он хочет быть уверенным, что необходимость естественного хода вещей не препятствует осуществлению нравственного закона. Ведь нам, как индивидуумам, принадлежащим к составу природы, на себе же известно, что мы не только обладаем потребностью морального закона, но и выполняем через самое его восприятие свободный акт.

Значит, наше я есть сила, выступающая за пределы природы в качестве чего-то лишь непознаваемого. Существо, подобным образом добровольно приемлющее в себя закон и благодаря этому, в свою очередь, делающееся законодателем, мы называем личностью. В личности сливаются вышеупомянутые самостоятельные области; но для нашего сознания остается тайно, как именно это происходит, мы только знаем, что такое слияние — несомненный факт. Здесь, в человеческой личности, и находится место исчезновения уверенности, и что существует единство, где необходимость и свобода оказывали бы совместное влияние во имя всеобщей цели и осуществления добра. Потому — здесь нам также приходится решить, какое положение мы сами займем относительно этого бесконечного единства — мировой цели? В данном смысле мы совершенно свободны. Дело каждой отдельной личности проявить те или иные чувства к Бесконечному. Отсюда возникает религия. Что бы ни совершалось в пространстве и времени, что бы ни открывала наука, неограниченной остается свобода нашей веры, что существует беспредельная сила, которая направляет к лучшему. И эта вера создает свой успокоительный мир неземной отрады и утех! В нем — полная независимость всех культурных областей, в нем — та моральная свобода, которую благодетель Кант добыл для вечно жаждущего живой воды человечества! Сохранить этот драгоценнейший духовный клад завещано нам великим германским философом, его ограждения могучая критическая мысль!»

Таким образом, на примере данной статьи мы видим, что основные философские идеи И. Канта нашли свое творческое отражение в начале XX в. в среде интеллектуалов Беларуси. Все это способствовало развитию философской мысли в данном регионе, обсуждению здесь актуальных гносеологических, этических, эстетических и общественно-политических проблем.